

Научная статья
УДК 343.212
doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-136-141

СТРУКТУРА ИНСТИТУТА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Руслан Георгиевич Асланян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, aslanyanruslan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению структуры института Особенной части уголовного права в призме совокупности нормативных предписаний, закрепленных как в уголовном законе, так и имеющих иную отраслевую принадлежность. Обосновывается тезис о том, что институт Особенной части уголовного права являет собой систему нормативных предписаний. В результате научного исследования конструкция уголовно-правовой охраны, признана критерием формирования и систематизации институтов уголовного права.

Ключевые слова: Особенная часть уголовного права, институт, нормативное предписание, систематизация, конструкция уголовно-правовой охраны, уголовный закон, структурный элемент

Для цитирования: Асланян Р. Г. Структура института Особенной части уголовного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 136–141. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-136-141>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

STRUCTURE OF THE INSTITUTE OF THE SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW

Ruslan G. Aslanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, aslanyanruslan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the structure of the institution of a special part of criminal law in the prism of a set of normative prescriptions fixed both in the criminal law and having a different branch affiliation. The thesis is substantiated that the institution of a special part of criminal law is a system of regulatory prescriptions. As a result of scientific research, the construction of criminal law protection is recognized as a criterion for the formation and systematization of criminal law institutions.

Keywords: special part of criminal law, institution, regulatory prescription, systematization, construction of criminal law protection, criminal law, structural element

For citation: Aslanyan R. G. Structure of the institute of the special part of criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):136–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-136-141>

Введение

В самом общем виде правовой институт традиционно понимается как структурный элемент отрасли права, объединяющий в себе правовые нормы (или нормативные предписания), призванные урегулировать некоторую группу (или вид) отношений, составляющих элемент предмета отраслевого регулирования [1, с. 119; 2, с. 16; 3, с. 254; 4, с. 60].

В теоретико-правовой литературе представлено и вполне согласованное понимание общих признаков правового института, среди которых называют:

- наличие некоторого множества правовых предписаний, системно связанных между собой и представляющих собой единый элемент структуры отрасли;

- однородный характер таких предписаний, их направленность на регулирование относительно самостоятельной группы общественных отношений;
- определенная логическая структура правового института, отражающая наличие в нем необходимого и достаточного набора функционально различных правовых предписаний;
- функциональное единство образующих институт предписаний, обеспечивающих целостное, относительно законченное регулирование той или иной разновидности общественных отношений;
- нормативное обособление института на уровне самостоятельной структурной единицы текста нормативного правового акта [5, с.103; 6, с. 23; 7, с.934].

В той или иной словесной интерпретации эти признаки правового института воспроизводятся в работах, посвященных проблемам понимания правовых институтов в самых различных отраслях права. Не является исключением и уголовно-правовая наука [8, с.195; 9, с. 168; 10, с. 51].

О структуре и системе института Особенной части уголовного права

Ограничение содержания институтов Особенной части уголовного права нормативными предписаниями закономерно связано с обсуждением значимого теоретического вопроса о содержании, видах и количестве самих предписаний, которые могут составлять институт. Формальная сторона этого вопроса состоит в том, сколько предписаний могут образовать институт, как соотносятся эти предписания со структурой уголовного закона и могут ли существовать в системе отрасли права нормативные предписания, не входящие в какой-либо институт.

В науке уголовного права есть вполне согласованное мнение о том, что *институт права не может состоять из одного нормативного предписания* (правовой нормы) [9, с. 168; 11, с. 83; 12, с.155]. Действительно, один из общепризнанных признаков правового института – комплексность, всесторонность, полнота, беспробельность правового регулирования определенного участка правоотношений. Добиться этого посредством одного единственного предписания не представляется возможным. Даже в тех относительно редких ситуациях, когда в уголовном законе предусмотрено одно единственное предписание об ответственности за то или иное преступление – в одной статье, состоящей из одной части (например, как это имеет место в ситуации криминализации геноцида или экоцида), уголовно-правовой институт образуется не самим по себе этим предписанием, но совокупностью предписаний, закрепленных в иных правовых источниках (в частности, например, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 09.12.1948 г. и получившее дальнейшее легальное толкование в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» и др.).

Понимание института как комплекса предписаний дополнительно актуализирует вопрос о принципиальном несовпадении системы права и системы законодательства, которое применительно к нашей теме обнаруживает себя и в вопросе о том, должен ли институт Особенной части уголовного права получить нормативное выражение на уровне укрупненной единицы текста уголовного закона.

Законодательное обособление норм в качестве формального признака правового института признается иногда одним из важнейших и связывается со спецификой юридического режима той или иной отрасли права. Применительно к уголовному праву некоторые авторы прямо указывают: «уголовно-правовой институт должен быть выражен совокупностью норм отдельной главы кодекса» [13, с. 112].

Однако такое «долженствование» не вытекает из теоретических признаков уголовно-правового института. Как вполне обоснованно пишет А.В. Денисова: «выделенные в уголовном праве институты не совмещены с разделами и главами конкретных правовых актов, поэтому такой критерий выявления конкретного правового института, как обособление правовых норм и предписаний, его образующих, в главы, разделы, части и иные структурные единицы нормативно-правовых актов, для уголовного права, как правило, не характерен» [5, с. 85]. Действительно, *уголовное право не сводится к уголовному закону, а институт Особенной части уголовного права не является законодательной конструкцией, в связи с чем недопустимо отождествлять структуру права как объективное явление со структурой*

законодательства, которая определяется под существенным влиянием субъективных факторов. Этот момент, как представляется, не вполне учитывают те специалисты, которые рассматривают институциональное строение отрасли уголовного права в контексте ее полиисточникового характера. Их утверждения о том, что институт уголовного права может быть выражен в статье, группе статей, главе или разделе УК РФ, входят в противоречие с их же позицией, признающей, что нормативные предписания уголовного права, являющиеся составной частью уголовно-правового института, закрепляются во множестве иных отраслевых источников. При таком подходе надо признать, что *структура Особенной части уголовного закона может служить лишь некоторым ориентиром в познании институционального строения отрасли, определенным «каркасом», отражающим систематизацию некоторых нормативных предписаний*. Уголовный закон систематизирует лишь отдельные предписания, составляющие институт Особенной части уголовного права и в этом отношении его структурные элементы, с одной стороны, коррелируют структуре уголовного права (хотя и не совпадает с ней), а с другой стороны, никогда не заключают в себе всего содержания уголовно-правового института.

В этой точке рассуждений мы подходим к материальной стороне вопроса о характеристике предписаний, составляющих институт Особенной части уголовного права. Институт Особенной части уголовного права формируется совокупностью нормативных предписаний (типичных и нетипичных) об ответственности за то или иное деяние. В работе М.С. Жука была представлена «идеальная модель» оптимального набора предписаний, образующих институт уголовного права, который включает в себя общие, декларативные, дефинитивные, основные, оперативные и коллизионные предписания [15, с. 16-17, с. 122-123]. Не оспаривая этой идеи по существу, обратим дополнительное внимание на два аспекта.

Во-первых, *соотношение основных (типичных) и иных (нетипичных) предписаний в структуре института Особенной части уголовного права не является константным. Оно во многом определяется уголовной политикой и юридической техникой*. Существенное значение имеют, в частности, используемые законодателем языковые правила описания состава преступления в уголовном законе.

Вопрос о том, каким образом лучше описать состав преступления в законе можно считать извечным и краеугольным. Активная дискуссия по этому поводу идет, как минимум, с середины прошлого столетия. Так, если Н.Д. Дурманов выступал за более точное отграничение в законе уголовно-наказуемых деяний от ненаказуемых путем перечисления признаков, которые превращают деяние из дисциплинарного или административного проступка в уголовно-наказуемое преступление [16, с. 3], то В.С. Тадевосян ратовал за максимально краткие законодательные формулы [17, с. 76, 77]. Не теряет актуальности вопрос о правилах изложения состава преступления в законе и в наши дни.

Определенный недостаток в его исследовании видится в том, что он обсуждается по преимуществу как вопрос юридической техники, в то время как в реальности выходит далеко за пределы этой отрасли правоведения и сопрягается с фундаментальными вопросами права, правоприменения, разделения властей, роли и места суда в процессе правового регулирования общественных отношений.

Можно сколько угодно долго рассуждать о преимуществах абстрактного способа описания признаков состава преступления, но до тех пор, пока в политико-правовом пространстве не будет признана активная, созидательная роль суда в части толкования права и правотворчества, пока не будет признана общеобязательность позиции высшей судебной инстанции по тому или иному вопросу уголовного права, закон по прежнему будет стремиться к казуистичности, отражая особый взгляд на суд как на орган, наделенный возможностью лишь «слепо» реализовывать те положения, которые законодатель зафиксировал в тексте нормативного акта. По этой причине *на теоретическом уровне в принципе не представляется возможным рассчитать, какие именно по видовой принадлежности и сколько предписаний могут или должны образовывать институт Особенной части уголовного права*. Очевидно, что чем более абстрактно будет сформулировано законодателем основное типичное предписание об ответственности за какое-либо преступление, тем больше потребности в нетипичных, в частности, дефинитивных, предписаниях, конструируемых в постановлениях высшей судебной инстанции, чем более неопределенно законодатель выразит разграничительные признаки смежных преступлений, тем большее значение будут приобретать

общие предписания Конституционного Суда РФ и оперативные правила, предлагаемые Верховным Судом РФ, и т.д.

Эти обстоятельства подводят нас ко второму аспекту проблемы оптимального набора предписаний института Особенной части уголовного права. Он предполагает, что *содержание института должно определяться его функциональным назначением и отражать его устойчивые системные характеристики*. Подключение системного подхода, интегрирующего представления о структуре и функциях уголовно-правового института, позволяет более эффективно решать вопрос об его оптимальном содержании.

В.Д. и О.В. Филимоновы, с одной стороны, признают возможность системного анализа уголовно-правовых институтов, но с другой стороны, отмечают, что «институт права как юридическое образование хотя и представляет собой связанную своим смысловым содержанием систему правовых норм, в качестве объективно существующей системы рассматриваться не может... Составляющие институт права юридические нормы не взаимодействуют друг с другом. С момента включения их в законодательство это как бы «застывшие» правовые образования. Несмотря на то, что правовые нормы, образующие институт, находятся между собой в смысловой связи, эта связь оказывается зафиксированной на момент формирования института. Она не меняется до тех пор, пока не будет изменено законодательство. До этого момента правовой институт как развивающееся явление рассматриваться не может» [12, с. 33, 34]. С этим суждением сложно согласиться в полной мере. Во-первых, не может вызывать сомнений факт «объективного существования» группы нормативных предписаний, составляющих институт, даже несмотря на то, что в конструировании и обособлении этих институтов заметна роль субъективного фактора (решений законодателя и позиции теоретика-исследователя). Во-вторых, вряд ли верно, что предписания в составе института «не взаимодействуют» друг с другом. Содержание, объем и виды нетипичных предписаний уголовно-правового института, как было отмечено, во многом определяются содержанием основного типичного предписания. Существует между ними и связь обратного порядка. Кроме того, изменения всего содержания института в результате изменения хотя бы одного из элементов его содержания как выявляет, подчеркивает наличие в институте системных начал (для примера достаточно вспомнить кардинальные трансформации института ответственности за хищения вследствие изменения размера административно наказуемого хищения и включения в УК РФ статьи об ответственности за мелкое хищение с административной преюдицией). Таким образом, *тезис о том, что институт Особенной части уголовного права являет собой систему нормативных предписаний, не должен вызывать сомнений*.

Заключение

- институт Особенной части уголовного права не может состоять из одного нормативного предписания, поскольку оно само по себе не способно обеспечить целостное, полное, беспробельное регулирование некоторой разновидности общественных отношений; даже в тех ситуациях, когда в уголовном законе предусмотрено одно единственное предписание об ответственности за то или иное преступление – в одной статье, состоящей из одной части, уголовно-правовой институт образуется не самим по себе этим предписанием, но совокупностью предписаний, закрепленных, в том числе в иных отраслевых источниках права;

- сфера институтов Особенной части уголовного права (например, предметно-правоохранительных, поощрительных институтов освобождения от уголовной ответственности и институтов дифференциации ответственности) может рассматриваться с одной стороны, как сущее, то есть с ограничением предметного содержания исключительно положениями УК РФ и корреспондирующими им иными предписаниями, а с другой стороны как возможное (или должное), то есть, исходя из признания единства природы уголовного права и административно-деликтного правового комплекса, что позволяет рассматривать их в качестве единого массива формирования институтов Особенной части «широкого» уголовного права, отвечающей истинной задаче уголовного права как публичной отрасли, призванной защитить общество от противоправных посягательств, обладающих общественной опасностью;

- устоявшееся положение о том, что институт Особенной части уголовного права должен быть нормативно обособлен на уровне укрупненной единицы текста уголовного закона, не вытекает с необходимостью из теоретических признаков уголовно-правового института; структура Особенной части уголовного закона может служить лишь некоторым ориентиром

в познании институционального строения отрасли, определенным «каркасом», отражающим систематизацию некоторых нормативных предписаний, поскольку уголовный закон систематизирует лишь отдельные предписания, составляющие институт Особенной части уголовного права и в этом отношении его структурные элементы, с одной стороны, коррелируют структуре уголовного права (хотя и не совпадает с ней), а с другой стороны, никогда не заключают в себе всего содержания уголовно-правового института;

- в основе формирования и систематизации институтов уголовного права должна быть расположена юридическая конструкция уголовно-правовой охраны; она обеспечивает обособление нормативных предписаний Особенной части в рамки отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении него посягательств, и одновременно гарантирует важное свойство системности уголовно-правового института, исходя из полноты отражения и степени соответствия нормативных предписаний тем криминальным угрозам, которые существуют в обществе для охраняемого объекта.

Список источников

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975.
2. Бастрыкина О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.
3. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. М.: Норма, ИНФРА-М., 2017.
4. Якушев В.С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6.
5. Беляева Г.С., Кузьменко В.И., Умарова А.А. К вопросу о понятии и признаках юридических институтов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.
6. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2, Т. 1.
7. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2.
8. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский университет, 2001.
9. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002.
10. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М.: МЮИ МВД России, 1996.
11. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. М.: Юрлитинформ, 2012.
12. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М.: Юриспруденция, 2014.
13. Абдулаев А.А., Гитинова М.М. К вопросу о сущности уголовно-правовых институтов // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 9 А.
14. Денисова А.В. Система уголовного права Российской Федерации: оценка современного состояния // Общество и право. 2013. № 2 (44).
15. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.
16. Дурманов Н.Д. К подготовке проекта Уголовного кодекса СССР // Социалистическая законность. 1946. № 7 – 8 (июль – август).
17. Тадевосян В.С. К разработке проекта Уголовного Кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 4.

References

1. Alekseev S. S. *The structure of Soviet law*. Moscow: Legal literature; 1975. (In Russ.)
2. Bastyrykina O.A. *System-forming connections of the internal content of law*: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2006. (In Russ.)
3. Morozova L.A. *Theory of state and law*. Textbook. Moscow: Norm, INFRA-M., 2017. (In Russ.)
4. Yakushev V.S. About the concept of a legal institution. *Jurisprudence*. 1970;(6). (In Russ.)
5. Belyaeva G.S., Kuzmenko V.I., Umarova A.A. On the question of the concept and features of legal institutions. *Gaps in Russian legislation*. 2018;(4). (In Russ.)
6. Jalilova E.A. Problems of definition of the concept and essence of the institute of law. *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University*. 2018;2(1). (In Russ.)
7. Maly A.F., Logunova S.O. Institutes of law and legal institutions in modern Russian law and the peculiarities of their formation. *Education and Law*. 2021;(2). (In Russ.)

8. Klenova T.V. *Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms*. Samara: Samara University; 2001. (In Russ.)
9. Konyakhin V.P. *Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law*. St. Petersburg: Law Center Press; 2002. (In Russ.)
10. Yatselenko B.V. *Contradictions of criminal law regulation*. Moscow: MUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1996. (In Russ.)
11. Pudovochkin Yu.E. *The doctrine of the fundamentals of criminal law. Lectures*. Moscow: Yurlitinform, 2012. (In Russ.)
12. Filimonov V.D., Filimonov O.V. *Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Enforcement Law*. Moscow: Jurisprudence; 2014. (In Russ.)
13. Abdulaev A.A., Gitinova M.M. On the question of the essence of criminal law institutions. *Issues of Russian and international law*. 2019;9(9 A). (In Russ.)
14. Denisova A.V. The criminal law system of the Russian Federation: assessment of the current state. *Society and law*. 2013;2 (44). (In Russ.)
15. Zhuk M.S. *Institutes of Russian criminal law: concept, system and prospects of development: diss. ...Dr. jurid. sciences'*. Krasnodar; 2013. (In Russ.)
16. Durmanov N.D. To the preparation of the draft Criminal Code of the USSR. *Socialist legality*. 1946;7-8 (July - August). (In Russ.)
17. Tadevosyan V.S. To the development of the draft Criminal Code of the USSR. *Soviet State and Law*. 1954;(4). (In Russ.)

Информация об авторе

Р. Г. Асланян – канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

R. G. Aslanyan – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.